

Что мелит «Мельница мысли»? (Анализ одного ронделя Карла Орлеанского)

Одним из самых интересных на фоне литературных композиций XV в. является аллегорический рондель CCLXXXV [1] Карла Орлеанского (1394-1465), создающий образ «мельницы Мысли» (*molin de Pensee*), который встречается, судя по всему, только у него: *Вода слёз, радости и страдания/ Приводит в движение мельницу мысли,/ На которую установлена рента/ И которая должна поставлять средства, необходимые для расходов сердца. Она (вода) отделяет муку сладости / От отрубей суровой судьбы./ Тогда мельник, зовущийся Счастьем или Несчастьем,/ Получает доход от добытого продукта и поступает с ним, как ему заблагорассудится./ Но Фортуна, порой не знающая меры, часто из жестокости / Отводит воду слёз, радости и страдания.*

В той или иной степени точности поэт изображает работающий механизм и производственные отношения, с ним связанные, материальная жизнь не только в конкретно-описательных, но и социальных проявлениях. Перед нами та самая повседневность обыденной жизни, которая проникает в поэзию позднего Средневековья и Карла Орлеанского, в частности, «опредмечивая» аллгорию, разрушая баланс между абстрактным и конкретным в пользу реальности возникающей картины и неоднозначности прочтения иносказания, то, что называется некоторыми исследователями «аллегорическим реализмом» [5]. Ведь речь идёт не просто о водяной мельнице с мельником, отрубями и мукой, капризами природы, кознями недоброжелателей. Каждое конкретное существительное сочетается с существительным абстрактным, являющимся дополнением к первому. Глагол осуществляет двойное действие, относящееся и к тому, и к другому существительному, создавая, в конечном счете, сложное единство. Это, конечно же, непростая мельница.

В одной из самых красивых романских церквей Франции, церкви Сен-Мадлен в Везле (XII век), на капители колонны тоже изображена мельница: один персонаж сыпет из мешка необработанное зерно в жернова, другой принимает получившуюся муку, подставив мешок. Колесо мельницы – круг с крестом посередине. Смысл аллгории в том, что Христос своим пришествием превращает Ветхий Завет (скрижали Моисея) в Новый, отделяя зерно от кожуры, муку от отрубей. Жертвенность Иисуса проходом через жернова означает искупление и очищение. Персонаж справа – Моисей, слева – апостол Павел. Это мистическая мельница, означающая взаимосвязь Ветхого и Нового Заветов. [6] Иконографическим источником считается церковь аббатства Сен-Дени, витражи изображающие жизнь Моисея, осуществлённые при аббате Сугерии, центральный медальон: апостол Павел вращает жернова мельницы, а пророки несут мешки. Медальон не сохранился, а надпись осталась: *Tollis agendo mollam de furfure, Paule, farinam, /Mosaïcae legis intima nota facis, / Fit de tot granis verus sine furfure panis,/ Perpetuusque cibus noster et angelicus. Вращая жернова, ты отделяешь, Павел, отруби от муки, / Закону Моисееву ты даёшь глубокое объяснение, / Из всех этих зёрен сделан настоящий хлеб без отрубей, /Вечная пища для нас и ангелов.*[3]

Мы словно читаем рондель Карла Орлеанского. Кроме того, мы имеем дело с «водою слёз». От отцов-пустынников до св.Бенедикта, от Бернарда Клервского (св.Бернара) до

Франциска Ассизского (св.Франциска), все говорили о слезах, о «даре слёз», о котором нужно просить Господа в молитве. Слёзы раскаяния, даже сокрушения, слёзы благоговения: «Грехи свои прошедшие со слезами и стенаниями каждодневно исповедать Богу в молитве, всячески стараясь в них исправиться», – читаем в Уставе св.Бендикта (IV,58). Об очистительных слезах, источнике раскаяния, говорит Эташ Дешан в «Зерцале Брака» («Le miroir de mariage»), Филипп де Мезьер во «Сне старого пилигрима» («Songe du viel pelerin»). Сочетание слёз и стенаний (*pleurs/angoisseux gemissements*), мы находим в «Завещании» (Testament, 89-90) Франсуа Вийона. Соположение с текстом Карла Орлеанского очевидно.

Но в третьей строфе появляется мельник, несущий две функции (Счастье/ Несчастье) и сам сильно зависящий от Фортуны, которая тоже амбивалентна: она подчиняется Богу. Умозрительный путь (*pensee*) к спасению через очищение, добытое страданием (вода и мельница), питающим сердце (которое может бытьместилищем души), преграждён вторжением Фортуны, неоднозначной фигурой у Карла, часто мешающей понять себя, а, значит, и смысл бытия. Таким образом, возникает более светское прочтение ронделя.

Памятуя о том, что Карл Орлеанский – поэт любви, с возрастом, впрочем, покинувший её царство, не стоит исключать любовного прочтения, выделяя такие слова куртуазного словаря, как *Joye, Pleurs, Douleur/ Cueur/ Douceur/ Dureté*. Слёзы радости и печали по поводу отношений с дамой / Сердце – местопребывание любви/ Сладость или удовольствие – награда дамы/ Жестокость или суровость – пренебрежение дамы, отказ. Кстати сказать, мы находим «*Eaue de pitie, de lermes et de plours...*» в любовном ронделе Алена Шартье (г.ХIII) [2], чьё творчество было хорошо известно герцогу Орлеанскому. Так что подобное прочтение нельзя исключать, хотя оно уже не столь очевидно, как в его ранних балладах.

Возможен и ещё один, как нам представляется, более широкий, не специально религиозный уровень прочтения. Человеческие переживания, слезы страдания и радости приводят в движение мысль, питая таким образом сердце, средоточие жизни, и даруя сладость счастливых дней или же заставляя жевать горькую жвачку дней несчастливых. Многое происходит по воле своенравного случая. Но и он зависит от внешних обстоятельств, которые могут отнять живительную влагу. Значит, мысль перестанет работать, сердце – биться. Однако главное – обладать источником жизни: сильным чувством, переживанием, волнением, позволяющим человеку жить полноценно. Это развернутая метафора духовной жизни в самом широком смысле слова, самого её процесса.

Возвращаясь к мистической мельнице, скажем вслед за Виржини Мине-Маи, чьи основные идеи нами изложены, что Карл Орлеанский вновь открывает образы Священного Писания, истолкованные Отцами Церкви, которые использовались средневековыми художниками и теологами, и придаёт им новый оригинальный аспект, не лишая их глубины, а расширяя области значения. Метафора мельницы Мысли, подключающая интертекстуальные прочтения даёт ключ к постижению опыта духовного поиска. Со своей стороны, аллегория продолжает служить самым подходящим средством, чтобы через аналогию выразить не подвластное обыденному языку: путь души к Богу.[4]

Так или иначе, но весь интерес и удовольствие от текстов Карла Орлеанского, как и от других поэтов позднего Средневековья, прежде всего Франсуа Вийона, в этом

многообразии переплетающихся вариантов прочтения без предпочтения какого-либо из них.

1. *Charles d'Orléans*. Poésies, éditées par Pierre Champion. I: La retenue d'amours, ballades, chansons, complaints et caroles. II: Rondeaux. Paris, Champion, 1923-1927.
2. *Alain Chartier*. La belle dame sans mercy et les poésies lyriques, éd. Arthur Piaget, Genève, Droz, 1949.
3. *Grodecki L.* Les vitraux de Saint– Denis. Etude sur le vitrail au XII-ème siècle.
4. *Minet- Mahy V.* Charles d'Orléans et son *moulin de pensée*: allégorie et polysémie // Les lettres romanes, 53, 1999. P. 13– 27. Charles d'Orléans et la tradition des métaphores maritimes // *Studi Francesi*, 135, 2001. P. 473-497.
5. *Strubel, A.* La littérature allégorique // Précis de littérature française du Moyen Âge éd. Poirion, Daniel, Paris, P.U.F. , 1983. P. 236– 274
6. *Zinc M.* Moulin mystique. À propos d'un chapiteau de Vézelay : figures allégoriques dans la prédication et dans l'iconographie romanes // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 31e année, N. 3, 1976. P. 481– 488.

Резюме.

Рондель CCLXXXV Карла Орлеанского (1394– 1465) может быть прочитан по-разному, прежде всего, согласно работам Виржинии Мине-Маи, религиозно-мистически. Наибольшее внимание уделено соположению текста Карла Орлеанского с иконографией, изображающей мистическую мельницу, которая истолковывает взаимосвязь Ветхого и Нового Заветов. Принимаются во внимание также куртуазно-любовное и более широкое метафорическое толкование. Однако каждое из этих прочтений не является доминирующим и воспринимать этот текст стоит во всём его полисемическом многообразии.

Ключевые слова: Карл Орлеанский, Виржинии Мине-Маи, позднее Средневековье, аллегория, мистическая мельница, прочтение.